

26.8.94.
48

Морелл Дэвид

Евг. Москва. — 1994. — 26 авг. Портреты

Ему едва за пятьдесят. Он канадец. Живет в Америке, в городе Санта-Фе. Преподает американскую литературу в Пенсильванском университете. Профессор. Писатель. Сценарист. Весьма обеспеченный человек. Он очень несчастен.

А все начиналось так хорошо.

Когда в 1972 году Дэвид Морелл написал свой первый роман «Первая кровь», он и предположить не мог, какой фурор вызовет публикацией. Он и думать — не думал, что Сильвестр Сталлоне, кинозвезда первой величины, остановит на романе одобрительный взгляд. Что кинофильм «Первая кровь» или «Рэмбо-I» будет бить рекорды кассовых сборов. Что потом будет продолжение — «Рэмбо-II» и «Рэмбо-III», книги и фильмы. Ничего этого Дэвид Морелл не знал. Как не знал и того, какие испытания ждут его.

Читатель к нему благосклонен. Критики чаще всего отделиваются нейтральными

И все-таки! Что бы ни диктовали рынок и Голливуд, надо стоять скалой, иначе детище твое, твою книгу, перелицируют так, что от первоначального замысла ничего не останется.

Так и произошло с романом «Первая кровь». Джон Рэмбо на ее страницах неуклонно движется к смерти. И умирает. И быть по-другому не может. Ему нет места в этом мире. Он обречен. Изначально. Убивая, он скорее агонизирует, нежели мстит или защищается. Смертник.

А в фильме он остается жив. Он — победитель. И он появится снова. В других кинолентах. Герой с камнем вместо сердца и пустотой вместо мыслей.

А книга писателю действительно удалась. Хотя с разных сторон вдруг раздались такие замечания: «Вы воспеваете насилие!» Его призывали к ответу. И тщетно Морелл пытался объяснить, что его задачей было показать ужас мира, пропитанно-

ДЭВИД МОРЕЛЛ: «Мой Рэмбо умер!»

словами. Применительно к творчеству Морелла они не могут обратиться к испытанному

лексическому багажу: ругать не за что — язык и стиль безукоризненны, герои неожиданны, их поступки тонко мотивированны, ситуации если и не стопроцентно достоверны, то, безусловно, возможны; похвалить же — триллер? боевик? — язык не поворачивается.

Это как писателя. А вот Морелла-сценариста... Здесь ему житья не дают. И надо признать, чаще всего справедливо. Ибо он — отступник.

Кто спорит, жизнь предполагает компромиссы. Но есть грань, за которой уступки превращаются в предательство. Впрочем, нам ли судить о том, переступил ли Морелл роковую черту. Ответ знает лишь он.

го насилием, мира, который диктует человеку правила игры.

Он говорил. Его не слушали. И тогда он написал романы «Завет» и «Чужое лицо» (последний недавно выпущен издательством «Новости»), в которых столько крови, что это должно было пронять любого. Не проняло.

По словам Морелла, он многое хотел бы изменить в прошлом. Говорить не то. По-другому писать. Поздно.

Но больше всего он хотел бы вернуть к жизни своего сына Мэтью. Мальчик сгорел в несколько месяцев от лейкемии. И ничто не помогло.

Смерть сына потрясла Морелла. А еще — осознание того, что рядом всегда были люди, которых стараешься не замечать, люди в безысходном горе. Что он может для них сделать? И Морелл написал книгу «Светлячки». О сыне. О себе. О горе. О смерти. Это был его долг. Он его выполнил. Это его лучшая книга.

Сергей ГЛЕБОВ